

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 15

Москва
2015

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Кочеров С.Н.</i> Парадоксы моральной свободы	5
<i>Мехед Г.Н.</i> Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы.....	27

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Серёгин А.В.</i> Два аргумента против гедонизма в платоновском «Горгии»	51
<i>Платонов-Поляков Р.С.</i> Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля	70
<i>Зубец О.П.</i> 94-й сонет Шекспира и фрагмент о Величавом Аристотеля: загадка сходства	91
<i>Гаджикурбанов А.Г.</i> Коллизия натурализма и морализма в понимании Спинозой нравственных начал	117
<i>Прокофьев А.В.</i> Организационные потребности общества как исток морали в этике Бернарда Мандевиля.....	139
<i>Апресян Р.Г.</i> Понятие морального чувства в этике Френсиса Хатчесона (ранний период).....	170
<i>Троицкий К.Е.</i> Моральная теория Иммануила Канта и идея императивности в философской мысли Германии конца XIX – начала XX вв	201
<i>Рогожа М.М.</i> Этические импликации смыслов тоталитаризма в исследованиях Ханны Арентд	221
<i>Гельфонд М.Л.</i> Этика Л.Н. Толстого: дилемма свободы и закона	245
<i>Демидова Е.В.</i> Появление Другого у раннего М.М. Бахтина	274

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Обсуждение книги А.В.Прокофьева «Воздавать каждому должно... Введение в теорию справедливости». Участники: <i>Р.Г.Апресян, Б.Н.Кашиников, Л.В.Максимов, О.В.Артемова, Г.Ю.Канарш, М.Л.Гельфонд, К.Е.Троицкий, Г.Н.Мехед, А.В.Прокофьев</i>	297
---	-----

Е.В. Демидова

Появление Другого у раннего М.М. Бахтина

Демидова Елена Викторовна – кандидат философских наук, доцент. 101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; e-mail: e_demidova@list.ru

Бахтин известен как один из тех мыслителей XX в., кто обратил свой взор на диалог, проблематизировал этот феномен и произвел его аналитическую реконструкцию. Однако в раннем эссе «К философии поступка» Бахтин еще как будто бы ничего не знает о диалоге. Здесь Другой не представлен как личность, он – один из окружающих Я объектов. Анализ ранних работ Бахтина позволяет проследить процесс рождения или выявления Другого для Я, описать специфику этого процесса, определить его этапы, выявить роль Я в конституировании Другого и его мира. Воссоздавая архитектуру события, Бахтин выделяет следующие структурные компоненты: два участника – Я и Другой как два ценностных центра и три «мира» – пространство, время и смысл. Первым шагом к Другому будет его видение-замеченность, затем восприятие его телесности с ее окружением, конституирование ее – это человек во внешнем мире, в пространстве; затем восприятие душевных движений, протекающих во времени, ведущих к конституированию души Другого – это внутренний мир человека, а также внесмысловое любовное принятие и утверждение его, архитектурно отличное от освоенности Я своим собственным смыслом. Показывается недостаточность недиалогического взаимодействия между Я и Другим для полноты познания и конституирования Я и Другого.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Другой, самопознание, тело, душа, дух, смысл, этическое, эстетическое

Ранний Бахтин нам известен по работам «Искусство и ответственность», «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности». Названия работам «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» было дано публикатором С.Г. Бочаровым при первых публикациях. Две последние работы написаны практически в одно и то же время: примерно с 1920 по 1924 гг., и были отнесены исследователями творчества Бахтина к частям одного недописанного или ненаписанного произведения, которое и было ими озаглавлено «Архитектоника ответственности»¹. Самой первой известной печатной работой М.М. Бахтина является заметка «Искусство и ответственность», опубликованная в 1919 г. Большинство исследователей сходится в том, что сначала было написано эссе «К философии поступка», а затем «Автор и герой в эстетической деятельности». Бахтин известен как один из тех мыслителей XX в., кто обратил свой взор на диалог, проблематизировал этот феномен и произвел его аналитическую реконструкцию². Однако в эссе «К философии поступка» Бахтин еще как будто бы ничего не знает о диалоге. Соответственно, для него не значим Другой. Он практически отсутствует. Для диалога нет условия, диалог не с кем выстроить. Если Другой и подразумевается или даже упоминается, то лишь как некий объект, относящийся к не-Я, к тому, что противостоит Я. Другой – не личность, он один из окружающих Я объектов³. Совсем другая картина открывается в эссе «Автор и герой в эстетической деятельности»: Другой здесь не просто появляется, но появляется в полноте своих личностных характеристик, в конкретности и уникальности своего существования.

Анализ ранних работ Бахтина позволяет проследить процесс рождения или выявления Другого для Я, или со стороны Я, описать специфику этого процесса, выявить роль Я в конституи-

¹ См.: *Кларк К., Холквист М.* Архитектоника ответственности // Михаил Бахтин: pro et contra. СПб., 2002.

² См.: *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. 1993. № 4; *Махлин В.Л.* «Диалогизм» М.М. Бахтина как проблема гуманитарной культуры XX в. // Бахтинский сб. 1. М., 1990; *Dialogism: An International Journal of Bakhtin Studies* / Ed. by David Shepherd. Sheffield, 1998; *Поль де Ман.* Диалог и диалогизм // Бахтинский сб. V. М., 2004.

³ См.: *Демидова Е.В.* Отсутствие Другого в философии поступка М.М. Бахтина // Этическая мысль. Вып. 14. М., 2014.

ровании Другого и его мира. Другой – совершенно Иной, принципиально Иной – в силу уникальности своего места в бытии. Я необходимо для порождения Другого. И выявление Другого происходит только в отношениях его соотнесенности и взаимообусловленности с Я. Но проблема заключается в том, что вне разговора, вне диалога между Я и Другим, которого нет в ранних произведениях Бахтина, выполнение поставленной им задачи – восстановления целостной личности, о чем он писал еще в «Искусстве и ответственности»⁴, – невозможно даже при наличии двух воспринимающих друг друга субъектов.

* * *

В самом начале XX в. категория Другого начинает довольно активно обсуждаться в философской мысли России. Неокантианец А.И. Введенский пишет работу «О пределах и признаках я»⁵, которая выходит в 1908 г. В ней он ставит проблему объективных критериев признания одушевленности Другого. И.И. Лапшин представляет книгу «Проблема “чужого я” в новейшей философии»⁶ в 1910 г. Введенский, Лапшин, будучи неокантианцами, опирались на «Этику чистой воли» Г. Когена, в которой была представлена корреляция «Я–Другой». Бахтин, как известно, был увлечен Марбургским неокантианством, поэтому он, конечно, был в курсе обсуждаемых проблем. Помимо этих штудий, представление о Другом, по мнению исследователей творчества Бахтина, было воспринято Бахтиным из работ М. Шелера⁷, Х. Плесснера⁸, Л. Фейербаха, на которого он ссылается в своих ранних работах, и подвергнуто дальнейшей разработке.

⁴ См.: *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 2003. С. 5.

⁵ *Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления. СПб., 1892.

⁶ *Лапшин И.И.* Проблема «чужого я» в новейшей философии // Зап. историко-филол. фак. император. С.-Петербург. ун-та. ХСІХ. СПб., 1910.

⁷ См.: *Пул Б.* Роль М.И.Кагана в становлении философии М.М.Бахтина (от Германа Когена к Макс Шелеру) // *Бахтинский сб.* III. М., 1994.

⁸ Бахтин в конспекте выписал эту ссылку: *Плесснер.* Смысл подражательного выражения. К теории осознания другого Я (1913–14) (*Бахтин М.М.* Примечания // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. С. 500).

Оформление понимания Другого у Бахтина происходит параллельно в этической и эстетической областях. Область этического – это область жизненных поступков человека. Это область принятия человеком уникальности и неповторимости своего бытия и того места, окружения, в котором он присутствует в данный момент, осознание причастности и участности в событии бытия. По мысли Бахтина, событие и есть способ нашего участия в бытии и того, как бытие только и может быть представлено нам. Это область ответственности человека за реализацию смыслов, которыми наполнена его жизнь, потому что только через поступки он может воплотить эти смыслы и дать жизнь важным для него ценностям. Эстетическое понимается Бахтиным как область того, что воспринимается человеком с помощью органов чувств и переживается.

В работе «К философии поступка» Бахтин концентрирует все свое внимание на Я и его переживаниях по поводу единственности своего существования в мире именно как Я, более никому в целом свете не доступного, и вытекающей из этого мироощущения ответственности за свои поступки и жизнь в целом, за то, что Я видит, может совершить и должно совершить, исходя из этой уникальности. Я необходимо сосредоточиться на самом себе в смысле самопознания и самоосознания, без которого невозможно общение и взаимодействие с Другим. Это время внутреннего вызревания личности.

Я является местом сознательного выхода человека в мир, в котором он различает себя самого – Я и все остальное, что ему противостоит – не-Я. «Я единственный из себя исхожу и всех других нахожу»⁹, причем оно находит и других людей, и природную предметную среду. В эссе «К философии поступка», например, Бахтин еще во многих местах четко не дифференцирует восприятие предметов и людей. Это просто то, что противостоит Я. Здесь еще фактически нет никакой выделенности Другого как человека, нацеленности Я на другого человека, нет общения, нет взаимодействия. Иными словами, Другой выступает как нечто, что дает импульс моим мыслям и чувствам. Но он не представлен как целостная личность, с которой выстраивается диалог, какое-то общение. О Другом здесь у Бахтина и речи нет, кроме указания на то, что

⁹ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Соч.: в 8 т. Т. 1. С. 67.

архитектоника любого события задается наличием Я и Другого. Иными словами, Бахтин все-таки имел в виду наличие Другого тогда, когда рассуждал о Я и его задачах. Неопределенность бахтинских рассуждений в эссе «К философии поступка» можно объяснить явной незавершенностью эссе и фактической фрагментарностью имеющегося у нас текста, о чем свидетельствует и представленный Бахтиным в «К философии поступка» план написания, который включал несколько разделов¹⁰.

В «Авторе и герое в эстетической деятельности» Бахтин рассматривает отношения, складывающиеся между автором и героем художественного произведения, и раскрывает их структуру. Он заканчивает «К философии поступка» и начинает «Автора и героя в эстетической деятельности» анализом одного и того же стихотворения – пушкинской «Разлуки». На материале художественного произведения Бахтину проще представить и объяснить архитектонику события. В данном стихотворении Бахтин различает позиции автора, героя и героини произведения. Герой находится в центре своего мира, в котором происходит трагический для него отъезд героини, героиня – в своем мире, в котором она собирается уехать от героя. А автор – распорядитель в мире произведения в целом; здесь существуют и пересекаются миры героя и героини. В «Авторе и герое в эстетической деятельности» мир героя Бахтин называет кругозором – это то, что предстоит герою. Но с точки зрения автора, внеположенного этому миру художественного произведения, то, что окружает героя, есть уже не кругозор, а окружение. Бахтин выделяет три центра описания: Я-для-себя – то, как Я воспринимает себя, Другой-для-меня – как Я воспринимает Другого, и как Другой воспринимает Я.

¹⁰ Первая часть должна была быть посвящена архитектонике действительного мира – мира поступка, вторая – этике художественного творчества, третья – этике политики и четвертая – религии. См.: *Бахтин М.М.* К философии поступка // Указ. изд. Т. 1. С. 50. Но и первая часть, посвященная миру поступка, неполна: сохранилось неполное Введение, и часть 1 – тоже неполная, судя по рукописному тексту, должно было быть или, может быть, было, продолжение. Во Введении утрачены первые 8 страниц, в которых формулировалась задача работы, там, по-видимому, также содержалось обоснование ключевого для бахтинского рассуждения о поступке понятия – «событие бытия». См.: *Гоготшивили Л.А.* Примечания к «К философии поступка» // *Бахтин М.М.* Указ. изд. Т. 1. С. 354.

Каждый находится внутри своего кругозора, и каждому открывается уникальная картина, не видимая больше ни с какого другого места. Осматривая местность вокруг себя, взгляд Я наталкивается на Другого. Как только Другой замечен Я, сразу же выстраивается архитектоника события. Архитектоника, по Бахтину, возводится и осуществляется поступком. Но под поступком он понимает и мысль, и слово, и чувство, и дело. *Замеченность Другого* со стороны Я представляет собой первый этап выявления Другого, когда Я отделяет восприятие Другого от восприятия его окружения. Современная психология отмечает, что целостный образ другого человека возникает постепенно, но выделение Другого как именно человека из окружения происходит уже на расстоянии двух километров¹¹.

Под архитектурой события Бахтин понимает некоторую целостность и структуру этой целостности. Эта архитектура задается наличием двух участников: Я и Другого. Вот здесь и появляется Другой как другой человек. Ядро архитектурной структуры составляют два участника, являющихся ценностными центрами, т. е. каждый выступает со своей системой ценностей. Причем это не обратимые Я и Другой, которых можно просто поменять местами; они принципиально различны. Подробно описывая в «Авторе и герое в эстетической деятельности» эту архитектуру, Бахтин осуществляет рассмотрение человека в трех «мирах»: *в пространстве, во времени и в мире смысла*. Первым шагом к Другому будет его увидение-замеченность, затем восприятие его телесности с ее окружением, конституирование ее – это человек во внешнем мире – в пространстве; затем восприятие душевных движений, протекающих во времени, ведущих к конституированию души Другого, – это внутренний мир человека, а также внесмысловое любовное принятие и утверждение его, архитектурно отличное от освоенности Я своим собственным смыслом.

¹¹ См., напр.: *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. С. 33.

Конституирование телесности Другого

Бахтин указывает на принципиальное отличие восприятия тела Я-для-себя и тела Другого-для-Я. Ключевым для восприятия и переживания своей телесности является фрагментарность собственного тела, воспринимаемого Я. Я никогда не может воспринять свое тело целиком. Я видит лишь кусочки самого себя в пространстве. Но что-то внутри Я говорит, что эти части – не весь Я, что есть что-то еще. Даже когда Я смотрит в зеркало, Я все равно видит себя со стороны, а не изнутри. Мы видим отражение своей наружности, но не себя в наружности. Мы смотрим в зеркале на себя глазами других. Внешние обрывки моего тела еще должны быть приобщены ко мне через соответствующие внутренние переживания, переведены на язык внутренних ощущений. Можно сказать, что, когда мы смотрим на себя в зеркало, то видим свое физическое, внешнее тело, как бы лишенное внутренней жизни, а если не смотрим в зеркало, то видим лишь фрагменты своего физического тела, но наша внутренняя жизнь дана нам во всей своей полноте. К теме зеркала и себя в зеркале обращались многие писатели и поэты. Сам Бахтин в зрелые годы своей жизни написал маленькую зарисовку, озаглавленную публикатором его произведений С.Г. Бочаровым «У зеркала». Главное, что отмечает Бахтин, анализируя восприятие человеком себя в зеркале, – это то, что теряется цельность человека, а не целый – это и не человек вовсе, тем более не Я. Отсюда – амбивалентные чувства, всегда овладевающие человеком перед зеркалом. «Из моих глаз глядят чужие глаза»¹². Иными словами, Я на свое отражение в зеркале смотрит так, как будто Я – это Другой, смотрящий на Я. Но получается, что Я должно выдумать, кто этот Другой, каков он и т. д. Это рождает фальшь и ложь положения. Так как на нас всегда смотрит не абстрактный, а конкретный Другой и видит нас своим, присущим только ему образом. А.П. Козырев в статье, посвященной Другому в русской философии, останавливается на анализе взаимодействия человека с зеркалом в поэзии В.И. Иванова, В.Ф. Ходасевича и в философии Я.С. Друскина. Для человека у зеркала Я-для-себя вы-

¹² Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Соч.: в 8 т. Т. 5. М., 1997. С. 71.

ступает в качестве Другого для Я же. Другие, и на это справедливо указывали, например, П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков, являются зеркалами для Я, но главное отличие зеркала в том, что оно пассивно, в то время, как Я, отражаясь в Другом, всегда чувствует с его стороны ответный импульс¹³.

Тело другого человека для Я всегда целостно и завершено. Оно целиком находится в пространстве. Я, со своей стороны, обладает избытком видения Другого, что и обуславливает действия Я как такие, которые только Я само со своего места может осуществить. Я может в этом смысле обогатить бытие Другого. Избыточность видения Другого заключается в том, что Я видит за спиной у Другого то, чего сам он увидеть не может. Другой всегда имеет четкую границу, отграничивающую его от всего иного, в себе же Я не видит такой границы – лишь фрагменты границ. «Все, что я знаю про другого, я вмещаю в его тело как в некий сосуд, свое же собственное сознание я воспринимаю как бы объемлющим мир¹⁴. В этом описании можно разглядеть дополнительное свидетельство тождества позиции автора и Я: и автор, и Я обнимают своим сознанием Другого и его мир. Бахтин приходит к выводам: тело Я в основе своей – внутреннее, так как Я не может непосредственно реагировать на свое тело, все реакции Я связаны с внутренними переживаниями – боли, удовольствия и т. д., тело Другого – внешнее.

По Бахтину, ценность моей «внешней личности носит заэмный характер, конструируется мною, но не переживается непосредственно»¹⁵. Под внешней личностью понимается внешность, телесность человека, лик его. Речь идет о том, что вне оценок других людей мы не можем составить представление о ценности своего тела. Начиная с любви матери, которая радуется и говорит: какая хорошая у малыша ручка, ножка и т. д., и затем через оценки других людей человек начинает считать, что его тело обладает определенной ценностью. Л.С. Выготский по-

¹³ См.: *Козырев А.П.* Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина // Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Вып. 12: 2004–2009 / Сост., общ. ред. А.Д. Паршина. М., 2011. С. 307–310.

¹⁴ *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 127.

казал это в своих исследованиях, сделав положение о том, что сначала внешнее, социальное, а потом внутреннее, аксиомой современной психологии¹⁶. Тело Я для Я обладает потенциальной ценностью, которая может быть реализована другим человеком. Самому человеку дано лишь внутреннее тело, по словам Бахтина, тяжелая плоть, а внешнее тело Другого – задано, как задача. Я должно его активно создать.

В эссе «К философии поступка» Бахтин практически ничего не говорит о Другом, фиксируя внимание на ощущениях Я, а в «Авторе и герое в эстетической деятельности» он через представление и раскрытие архитектоники события со всех сторон показывает необходимость Другого для самоконструирования, самопознания и самоидентификации личности. Сначала Я увидело Другого, опознало его, как другого человека, затем Я, воспринимая, конструирует тело Другого и своими реакциями сообщает Другому об этом. Чтобы тот понимал, насколько ценно его тело и ценно ли вообще. Я полностью видит тело и лицо Другого и видит его сразу в предметном, социальном и других контекстах. Здесь важным моментом становится сообщение Другому результатов своего конструирования, потому что это и есть выстраивание отношения между Я и Другим. Другой должен воспринять сигналы от Я и каким-то образом расшифровать их, сделать понятными для себя. Другой должен получить от Я обогащенный вариант себя.

Термины «внутреннее тело» и «внешнее тело» Бахтин использует совсем не в том смысле, в котором их использовал, например, апостол Павел в своих Посланиях. Под внутренним телом апостол Павел понимал душу человека, просветляющуюся в результате праведной жизни по мере Богоуподобления, а под внешним телом – земную тяжелую плоть, обслуживающую страстную жизнь ветхого человека. Бахтин же, наоборот, под внутренним телом понимает тяжелую плоть, с которой человек борется всю жизнь, а под внешним телом – представление о себе самом, созданное с помощью других, разных.

Опираясь на представления о внешнем теле другого и внутреннем теле самого себя, он осуществляет интересный экскурс в историю, показывая, как в различных мировоззрениях при по-

¹⁶ См.: *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Психология развития человека. М., 2005. С. 1020–1038.

строении взаимных отношений между людьми на первый план выходило либо понимание другого человека как себя, либо себя как другого. И тогда все видение телесности принимало совершенно различную окраску. Например, в античности первичным было видение Другого, и к телу Другого относились как к законченному, завершеному, любовно принимаемому, созерцаемому красивым. При таком подходе тело имеет положительную ценность. И к себе тогда относились, как к Другому, принимая и любя свое тело. Если же первичным было отношение к себе – то себя нельзя любить непосредственно, быть милостивым к себе, нежным, снисходительным и т. д. Самолюбование, отмечает Бахтин, всегда холодно. Он отмечает жесткость и безлюбовность стоицизма. Высшей степени отрицание тела как моего тела достигло в неоплатонизме. «Все – и вселенная, и бог, и другие люди – суть лишь я-для-себя. Их суд о себе самих самый компетентный и последний, другой голоса не имеет. Отсюда и последовательное отрицание тела: мое тело не может быть ценностью для себя самого» и снова «я сам не могу быть автором своей собственной ценности, как я не могу поднять себя за волосы»¹⁷. В качестве реакций, выражающих доброту, Бахтин называет нежность, снисхождение, милость, любовь. Эти эмоции невозможно обратить на самого себя, но только на Другого. Нельзя Другого любить, как себя. На Другого можно переносить отношение, которое мы имеем к себе, но Я-для-себя и Другой – все равно имеют совершенно разную ценность для Я, и, перенесенное, отношение никак не сохранится в том же самом содержании. Конечно, в процессе развития самосознания человек может стать если не творцом своей ценности, то, во всяком случае, глубоко осознать ценность и уникальность себя самого и строить свои взаимоотношения с другими людьми, исходя из понимания этой ценности. И в этом случае Я уже может быть снисходительно к себе, Я может относиться к себе милостиво и даже любоваться и наслаждаться своим телом. Но это возможно в случае некоторого раздвоения Я, когда Я-рефлексирующее дистанцируется от своего тела и своих душевных переживаний и как бы смотрит на себя со стороны. Л.С. Выготский описывал этот процесс следующим образом: «Мы сознаем себя, потому что мы сознаем других, потому что мы сами в отношении себя являемся тем же самым, чем другие

¹⁷ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 132.

в отношении нас. Я сознаю себя только постольку, поскольку я сам для себя являюсь другим»¹⁸. Правда, нельзя быть до конца уверенным, что у человека останется представление о ценности своего тела, если он попадет в бесчеловечные условия, где будет подвергаться постоянным унижениям со стороны других, активно демонстрирующих абсолютную ничтожность и тела, и души Я. История дает нам немало примеров того, как люди сохраняли достоинство в ужасных условиях концентрационных лагерей, но равно и прямо противоположные примеры.

Конституирование души Другого

После описания конституирования тела Другого Бахтин переходит к анализу того, как происходит восприятие, конституирование и понимание внутренней жизни Другого, протекающей во времени. Бахтин внутреннюю жизнь человека понимает также архитектурно, т. е. она по-разному протекает и воспринимается для Я-для-себя и Другого, видимого Я. Бахтин отмечает, что другой человек и внешне и внутренне находится напротив меня, вне внутреннего мира Я. Но если тело Другого видимо для нас, то чужая душевная жизнь для внешнего наблюдателя сокрыта. Мы можем только догадываться, чем руководствовался человек в том или ином случае. Какой смысл он реализовывал своим поступком, нам неизвестно. Но можно косвенно судить о душевных движениях другого по выражению его лица, по поступкам. Бахтин пишет, что, может быть, Я только представляет душевные движения Другого (ссылаясь на Витасека, имевшего такие взгляды) или же непосредственно переживает в Другом (это понимание процесса Н. Лосским тоже приводит Бахтин). Или же «все эти переживания улавливаются, угадываются мною (из контекста жизни), даже если все это не обнаруживается ни в чем внешнем»¹⁹.

Проблема проникновения в чужую душу с целью узнать и понять ее содержание и смыслы активно обсуждалась в России в конце XIX в. и начале XX. Более того, А.И. Введенский написал ра-

¹⁸ *Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // Психология развития человека. М., 2005. С. 38.

¹⁹ *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности. С. 177.

боту «О пределах и признаках одушевления», где ставил вопрос о том, «как каждый из нас проверяет свое убеждение, что кроме него есть душевная жизнь и у других существ, хотя можно наблюдать не ее самое, а только сопутствующие ей телесные явления»²⁰. И делает вывод об отсутствии объективных признаков одушевления в другом. Мы видим только телесные проявления другого, а о психическом сопровождении рассуждаем по аналогии. Как если бы это происходило в нашей внутренней жизни. Также Введенский пишет, что знание хода чужой психической жизни приобретается не иначе, как путем заключения или истолкования наших наблюдений над телесными процессами другого существа. Для нас недоступно даже представлять себе чужую душевную жизнь как чужую. Но мы все равно как-то знаем о том, что другие одушевлены. Это знание, по Введенскому мы получаем посредством особого метафизического чувства. А это чувство есть не что иное, как нравственное чувство. Нравственное чувство им понимается как осознание обязательности нравственного долга, которое «немыслимо без признания существования одушевления помимо меня»²¹. Так как нравственный долг распространяется только на одушевленных существ, то наличие в нашей душе нравственного долга удостоверяет нас в том, что другие тоже одушевлены. Обсуждение вопроса о чужом Я артикулируется учеником Введенского И.И. Лапшиным в книге «Проблема “чужого Я” в новейшей философии» в 1913 г. Он критикует Введенского за солипсизм и фидеизм²², анализирует взгляды Когена, который просто постулирует существование множества отдельных сознаний, Наторпа и др.

Бахтин обозначает активность, направленную от Я к внутреннему миру Другого, как *сочувственное понимание*, указывая на то, что «понимание не есть удвоение переживания другого, а перевод в иную ценностную плоскость с использованием своего архитектурного места в бытии»²³. Рассматривая отношения между автором и героем, Бахтин прямо указывает на механизм живания в Другого с целью понимания его. Чтобы понять Дру-

²⁰ Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. С. 3.

²¹ Там же. С. 94.

²² См.: Дмитриева Н.А. Критицизм или мистицизм? А.И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России. М., 2013. С. 53–54.

²³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 178.

гого, надо попытаться «влезть в его шкуру», встать на его место, посмотреть на ситуацию глазами Другого, попытаться ощутить и понять, что он чувствует, как он мыслит и оценивает. Бахтин критически рассматривает эстетические теории, в которых осуществляется слияние автора с героем, подавление либо автором героя, либо героем автора. Иными словами, необходимо вжиться в Другого, а затем вернуться в себя. Занятие отстраненной позиции позволяет воспринять и сконструировать *целое души Другого* – конкретного Другого с определенным характером – путем жизни и данной жизненной ситуацией.

Рассматривая переживание временности, Бахтин делает верное замечание, что все события в жизни человека, да и сама его жизнь, приобретают ценность только перед лицом смерти. Если смерти нет, то все обесценивается. Но свою смерть и рождение Я-для-себя сознательно пережить не может. А рождение и смерть Другого представляют важнейшие события жизни Я. Они обрамляют жизнь Другого. Смерть Другого не расстраивает Другого, она расстраивает Я. Восприятие и конституирование души Другого на фоне жизни Другого от рождения до смерти его (даже до предполагаемой смерти) исключительно прибыльно для Другого. Я своей конституирующей деятельностью обогащает бытие Другого. (Другой в себе не видит своей души как целостного единого образования.) «Душа – это дар моего духа другому»²⁴.

Другой-для-меня находится весь во времени, так же, как он весь находится в пространстве. Я-для-себя – лишь частично во времени, Я-для-себя все в смысле, т. е. внутренняя жизнь Я определяется смысловыми значимостями. При описании внутренней жизни Я и противостоящего ему Другого Бахтин использует понятия «души» и «духа». В себе самом внутренняя жизнь определяется как дух. Потому что она окрашена и объединена смыслом. «В себе самом я живу в духе. Дух – совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя»²⁵. Душа, которая переживается изнутри, – это дух. Единство Я – это также смысловое единство. Когда же мы рассматриваем внутреннюю жизнь другого человека, то она предстает нам как душа, как

²⁴ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 202.

²⁵ Там же. С. 184.

совокупность индивидуально окрашенных проявлений другого. «Душа – это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени»²⁶.

Бахтин утверждает, что любое занятие отстраненной позиции, позволяющей увидеть целое героя либо же другого человека, есть занятие эстетической позиции. Когда мы находимся в ситуации непосредственного действия и нас интересует поступок Другого в данный момент, то мы находимся в мире этического, когда же мы отстраняемся и оцениваем как бы со стороны и поступок, и человека в целом, то мы покидаем этическую сферу и переходим в эстетическую²⁷.

Душа так же, как и тело, создается, оформляется и завершается только в категории другого. Другой формирует и создает, осмысливает душу Я так же, как Я формирует душу Другого. Для Я Другой полностью завершен внутренне и внешне. Бахтин делает вывод: «Жизнь конкретного, определенного другого существенно организуется мною во времени – не в хронологическом и не в математическом времени, а в эмоционально-ценностно весомом времени жизни»²⁸.

Переживание смысла и любовное утверждение Другого

Я-для-себя в совершении поступка руководствуется предстоящим ему смыслом, стремится реализовать его в своем поступке. Человек всегда до конца не удовлетворен результатом своих действий. Ему кажется, что он не доработал, не додумал, и вышло совсем не так, как хотелось. Я-для-себя переживает временность как нечто, что противостоит смыслу, как еще неисполненность чего-либо: не-все-еще. «Смысловое будущее враждебно прошлому и настоящему, как враждебно задание невыполнению, бытие долженствованию»²⁹. Смысл весь – в будущем, так как переживание смысла Я-для-себя это всегда возобновляемое до самой смерти

²⁶ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 182.

²⁷ Возможно, таким ходом мысли вызваны широко распространенные оценки поступков не как «добрый», «справедливый», а как «красивый» или «некрасивый» поступок.

²⁸ Там же. С. 184.

²⁹ Там же. С. 193.

переживание. Как некое задание. Я всегда помнит, по поводу чего было это конкретное переживание, и поэтому Я его все время возобновляет. Например, как же Я могло так поступить в той ситуации, надо было сделать иначе. «Для меня самого ни одно мое переживание и стремление не может отойти в абсолютное, смысловое прошлое, отрешенное и огражденное от будущего, оправданное и завершённое помимо него, поскольку я именно себя нахожу в данном переживании. Не отказываясь от него как моего в единственном единстве моей жизни, я его связываю со смысловым будущим, делаю его небезразличным к этому будущему, переношу окончательное оправдание и свершение его в предстоящее (оно еще не безысходно); поскольку я – живущий в нем. Его еще нет сполна»³⁰. Здесь речь идет о том, что Я-для-себя видит свою жизнь как реализацию некоторого смысла, и как бы ни реализовывался этот смысл в отдельных поступках и событиях, которые переживаются Я, он никогда для Я не может быть полностью воплощенным и поэтому целиком оставленным в прошлом. Я может сколько угодно возобновлять свои переживания, связанные с чем-либо в прошлом, и таким образом переносить их в настоящее, и поскольку Я пока живо, не может быть полностью определено и завершено для самого себя, пока оно живо, то осмысление этих переживаний переносится также и в будущее, когда Я станет кем-то или каким-то, когда Я сможет, когда Я исполнит или все-таки совершит что-либо, тогда – в будущем, возможно, и свершится оправдание этого переживания. Я-для-себя в стихии смысла – всегда не дано, а задано. Это жизнь перед лицом должествования в пространстве нравственности.

Герой художественного произведения любим автором, несмотря на его недостатки. Он представляется милым, наивным. Наивность Бахтин понимает как такое качество, которое свидетельствует о том, что Другой знает и видит гораздо больше наивного. В данном случае автор отнюдь не наивен, а герой, про которого он знает много, наивен. Автор, а за ним и читатель начинают любить героя, руководствуясь поговоркой, что «не по хорошу мил, а по милу – хорош!». И это разъясняет кажущееся парадоксальным высказывание Бахтина о том, что Я может положительно утверждать наличность Другого помимо смысла. Иными словами, при эстетическом подходе Я любит Другого независимо от того, какими иде-

³⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 189.

ями вдохновляется Другой, чему служит. Это выливается в милующее любование Другим и признание ценности его существования самой по себе, независимо и вне той системы убеждений, которую имеет Другой. Но это милующее отношение к Другому разворачивается на фоне жизни Другого (как для героя у автора). Поэтому окружение героя или Другого приобретает положительную значимость, ценность. Мир Другого также утверждается помимо смысла. Мне симпатичен этот человек, и я хочу, чтобы у него, в его жизни все было хорошо. Если у него возникают проблемы, то я сочувствую ему. «Мир, культура, история, природа – человека-другого»³¹. И все характеристики человеческого бытия, наличного бытия, как то рождение или смерть, жизнь – «горят заемным ценностным светом другости»³². Другой – для меня всегда дан, а не задан. Любовное принятие Другого осуществляется в эстетическом пространстве.

Бахтин здесь вскрывает механизм возникновения нравственного отношения к Другому, принятия его, прощения его. Все это становится возможным только с позиции обнимающего Другого и его мир сознания. А таким сознанием становится сознание Я. Когда Я – большое и умное, а Другой видится Я маленьким и наивным, любовь, признание и прощение легко возникают в душе Я. Можно сказать, что Бахтин показывает, как нам полюбить Другого – иного, чужого. Любовь, как известно, не вынудима. Мы не можем напрямую полюбить того, кто вместе с нами участвует в какой-либо жизненной ситуации и занимает совершенно противоположную нашей позиции, придерживается чуждых нам взглядов. Любовное принятие и утверждение человека осуществляется только с позиции внеположенности и принадлежит не этическому, а эстетическому взаимодействию с реальностью. У Бахтина Другой – не абстрактный любой другой, в его архитектонике Другой – это всегда эстетически воспринятый и в идеале любовно утвержденный Другой.

В ситуации Я – Другой у Бахтина проигрывается и разворачивается двусоставность морали: одной стороной она устремляет человека к смыслу, а другой стороной обращена к другому человеку – и пытается создать единство на основе любви к другому.

³¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. С. 203.

³² Там же.

И, хотя с точки зрения идеального морального агента взаимность для морали не обязательна, тем не менее модель взаимного конституирования Я и Другого, предложенная Бахтиным, позволяет говорить о взаимности. Я-для-себя, пытаясь реализовать смысл ситуации, стремится к истине, но не помимо Другого, а перед лицом его, стараясь в то же время принять его любовно. Другой же со своей стороны осуществляет то же самое усилие: он в себе стремится осуществить свой смысл и прорыв к истине ситуации и в то же время не может проигнорировать Я, которое он должен любовно принять и утвердить. Это любовное принятие и утверждение, как было показано выше, осуществляется с позиции внеположенности, в эстетической сфере.

В этической же сфере есть только предстоящая ценность и Я с Другим, каким-то образом ее утверждающие или опровергающие. В новой уточненной редакции эссе «К философии поступка» в завершающей фразе исследователями было прочитано важное дополнение к пониманию философии поступка и его архитектоники: это «абсолютное себя исключение»³³. По Бахтину, основу архитектоники события составляет ценностное противопоставление Я и Другого. В контексте «К философии поступка» «принцип себя исключения» может быть понят как исключение ценности себя из ценностей данного³⁴. Другой всегда принадлежит миру данного, уже случившегося, завершеного, миру бытия. В этом данном, наличном бытии Другой ценен для нас как определенный, конкретный, человек. А Я-для-себя не может мыслить о себе как о завершенном, состоявшемся человеке. Всегда, даже если действие было успешным, ему не удается реализовать весь смысл до конца. И сколько ни существует человек, он всегда мыслью простирается в будущее, в должествование. Он должен совершить, он должен реализовать и т. д. И таким образом Я исключает себя из ценностей

³³ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 68.

³⁴ Такое понимание высказывается, в частности, Л.А. Гогтишвили, которая предполагает, что в несохранившейся части «К философии поступка» мог быть «синтез этического солипсизма (т. е. отнесение должествования только к самому себе и строгости отношения индивидуального сознания к себе самому вне всякого соотношения себя с миром наличной данности) с этически-эстетической добротой к другому». Гогтишвили Л.А. Примечания к «К философии поступка» // Бахтин М.М. Указ. изд. Т. 1. С. 380–381.

данного наличного, а полагает свою ценность в будущем, в заданном. Поэтому для Бахтина мир данного – это мир эстетики, а мир заданного – этики.

При таком прочтении логика Бахтина – это логика альтруизма. На это указывает и сам Бахтин: ценностное противопоставление Я и Другого – «это смысл всей христианской нравственности, из него исходит и альтруистическая мораль»³⁵. Иными словами, при появлении Другого сразу выстраивается такая ценностная структура, в которой ценностью наделяется Другой и его мир, и Я по этой логике должно действовать исходя из этой ценности Другого, а не своей собственной ценности. Иными словами, Другой всегда приоритетен для Я. Подробно аргументы в поддержку такого (понимание принципа «абсолютного себя исключения» как исключение из ценностей данного) истолкования приводятся Л.А. Гогтишвили³⁶. Но Бахтин эту тему, к сожалению, не развил, такое понимание – лишь результат реконструкции его взглядов. При такой реконструкции этические взгляды Бахтина обретают плоть и крепкий фундамент для теории, рассматривающей нравственное взаимодействие индивидов, не переходя в плоскость эстетического восприятия. Любое архитектурное различие Я и Другого позволяет рассматривать формирование нравственного отношения к Другому через задание ценности Другого и его мира и исключение Я из ценностей данного.

* * *

В ранних произведениях Бахтина нет диалога и про диалог нет практически ничего. Через архитектурное разложение ситуации посредством взаимного восприятия и конституирования ее участников – Я и Другого – Бахтин создает платформу, на которой затем может быть воздвигнуто здание диалогизма. Другой выявляется и опознается как другой человек только в процессе соотнесенности с имеющимся Я. Я создает Другого, и Другой осознает и определяет себя только через контакт с Я. Более того,

³⁵ Бахтин М.М. К философии поступка. С. 68.

³⁶ Гогтишвили Л.А. Примечания. С. 380–381.

в результате работы по конституированию Другого (его тела и его души) Я должно сообщить ему каким-либо образом о том, кто он. Конечно, Другой по каким-то признакам поведения, мимики Я может догадываться о том впечатлении, какое он произвел на Я, но только в речи, направленной к Другому, Я может точно сообщить ему кто он, каков он. Только так конституирование Другого будет в определенном смысле завершено: он получит от Я необходимую ему информацию и сможет ответить Я. Это возможно только с помощью диалога. Ведь внеречевое общение можно с натяжкой назвать общением, оно составляет самый примитивный, поверхностный уровень общения³⁷. Таким образом, для участников события потребность заговорить становится необходимостью. Как известно, эта тема появляется у Бахтина в «Проблемах творчества Достоевского», изданных в 1929 г. В ранних же произведениях поступающий или герой Бахтина видит и провидит, но еще не говорит. Сущность этой сильной платформы в феноменологическом анализе ситуации взаимодействия человека с другим человеком. И сила эта в предъявлении роли Другого для самоконституирования и идентификация Я и реальности Я, бытия Я вообще.

Список литературы

Бахтин М.М. Искусство и ответственность // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 2003. С. 5–6.

Бахтин М.М. К философии поступка // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 2003. С. 7–68.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 2003. С. 69–264.

Бахтин М.М. Человек у зеркала // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 5. М., 1997. С. 71.

Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: МГУ, 1982. 200 с.

Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. СПб.: тип. В.С. Балашова, 1892. 120 с.

³⁷ Л.С. Выготский пишет, что на низшей, бессловесной стадии общения, которая наблюдается и у животных, речь идет только о «заражении» какими-то эмоциями или действиями.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Психология развития человека. М., 2005. С. 1020–1038.

Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Психология развития человека. М., 2005. С. 18–40.

Гоготиевили Л.А. Примечания к «К философии поступка» // *Бахтин М.М.* Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 2003. С. 343–879.

Демидова Е.В. Отсутствие Другого в философии поступка М.М.Бахтина // Этическая мысль. Вып. 14. 2014. С. 271–289.

Дмитриева Н.А. Критицизм или мистицизм? А.И. Введенский и русское неокантианство // Неокантианство в России. М., 2013. С. 40–73.

Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности // Михаил Бахтин: Pro et contra / Сост. К.Г. Исупов. СПб., 2002. С. 37–71.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 5–24.

Козырев А.П. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина // Вып. 12. Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004–2009 / Сост., общ. ред. А.Н. Паршина. М., 2011. С. 307–328.

Махлин В.Л. «Диалогизм» М.М. Бахтина как проблема гуманитарной культуры XX в. // Бахтинский сб. Вып. 1. М., 1990. С. 107–129.

Поль де Ман. Диалог и диалогизм // Бахтинский сб. V. М., 2004. С. 109–119.

Пул Б. Роль М.И. Кагана в становлении философии М.М. Бахтина (от Германа Когена к Максу Шелеру) // Бахтинский сб. III / Отв. ред. В.Л. Махлин. М., 1994. С. 162–181.

The Appearance of the Other in Mikhail Bakhtin's Early Philosophy

Elena Demidova

PhD in Philosophy, Associate Professor. National Research University Higher School of Economics. 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia; e-mail: e_demidova@list.ru

Mikhail Bakhtin is well known as **one of the prominent scientists and thinkers** of the 20th century, who had attracted attention to the problem of Dialog, problematized this phenomenon and made its analytical reconstruction. However, the essay “Towards a philosophy of The Act” was written by Bakhtin as if he had no any idea of a Dialog. The Other as a personality was not introduced into reality, but was represented only as one of the objects surrounding Me (The Self). The article is providing an analysis of the process of appearance of the Other for Me (The Self) and the role of Me (The Self) in institutionalization of the Other. The peculiar feature of the process was that only being in interaction with Me (Self), the Other may appear as a personality. While reconstructing the architectonics of the Event, Bakhtin defines the following structural components: Two Parties – Me (The Self) and The Other as two axiological centres; three worlds – Space, Time and Sense. The first step towards the Other is the Vision of the Other, the second is perception of its corporality, and the third – perception of the spiritual – inner world of a human. The point is that without the Dialog between Me (The Self) and The Other it is impossible to recreate personal integrity as described in Bakhtin's work “Art And Responsibility”.

Keywords: Mikhail Bakhtin, The Other, Self-cognition, Body, Soul, Mind, Sense, Ethical, and Aesthetic

References

Bakhtin, M. “Iskusstvo i otvetstvennost” [Art and Responsibility], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collected Works, 8 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 5–6. (In Russ.)

Bakhtin, M. “K filosofii postupka” [Toward a Philosophy of the Act], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collected Works, 8 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 7–68. (In Russ.)

Bakhtin, M. “Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti” [Author and Hero in Aesthetic Activity], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collected Works, 8 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 69-264. (In Russ.)

Bakhtin, M. “Chelovek u zerkala” [Man Before the Mirror], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collected Works, 8 vols.], vol. 5. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 71. (In Russ.)

Bodalev, A. *Vospriatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and understanding of a man by man]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1982. 200 p. (In Russ.)

Vvedenskii, A. *O predelakh i priznakakh odushevleniya* [On Limits and Animation Signs]. St.Petersburg: V.S. Balashova Publ., 1892. 120 p. (In Russ.)

Vygotskii, L. “Soznanie kak problema psikhologii povedeniya” [Consciousness as a Problem of Behavioral Psychology], *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl Publ.; Eksmo Publ., 2005, pp. 18–40. (In Russ.)

Vygotskii, L. “Konkretnaya psikhologiya cheloveka” [Specific Human Psychology], *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl Publ.; Eksmo Publ., 2005, pp.1020–1038. (In Russ.)

Gogotishvili, L. “Primechaniya” [Notes], in: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collected Works, 8 vols.], vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 343–879. (In Russ.)

Demidova, E. “Otsutstvie Drugogo v filosofii postupka M.M. Bakhtina” [The Absence of Another in the Philosophy of the Act of Mikhail Bakhtin], *Eticheskaya mysl'*, 2014, no 14, pp. 271–289. (In Russ.)

Dmitrieva, N. “Krititsizm ili mistitsizm? A.I. Vvedenskii i russkoe neokantianstvo” [Criticism or Mysticism? A. Vvedenskii and Russian Neokantianism], *Neokantianstvo v Rossii* [Neokantianism in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 40–73. (In Russ.)

Klark, K., Kholkvist, M. “Arkhitektonika otvetstvennosti” [Architectonics of Responsibility], *Mikhail Bakhtin: Pro et contra* [Mikhail Bakhtin: Pro et contra], ed. K.G. Isupov. St.Petersburg: Russian Christian Inst. for the Humanities Publ., 2002, pp. 37–71. (In Russ.)

Kristeva, J. “Bakhtin, slovo, dialog i roman” [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel], *Dialog. Karnaval. Khronotop*, 1993, no. 4, pp. 5–24. (In Russ.)

Kozyrev, A. “Esteticheskoe tseloe Drugogo. Otnoshenie Ya i Drugogo kak istok filosofii dialoga M.M. Bakhtina” [Aesthetic Whole of Other. The Relation of Me and Other as the Source of the Philosophy of Dialogue of Mikhail Bakhtin], *Seminar ‘Russkaya filosofiya (traditsiya i sovremennost’): 2004–2009’* [Seminar ‘Russian philosophy (tradition and modernity): 2004–2009’], ed. A.N. Parshina. Moscow: Russkii put' Publ., 2011, pp. 307–328. (In Russ.)

Makhlin, V. “‘Dialogizm’ M.M. Bakhtina kak problema gumanitarnoi kul'tury XX veka” [‘Dialogism’ of M. Bakhtin as a Problem of Humanitarian Culture of the XX century], *Bakhtinskii sbornik* [Bakhtin collection], vol. 1. Moscow, 1990, pp. 107–129. (In Russ.)

Pol' de Man. "Dialog i dialogizm" [Dialogue and Dialogism,] *Bakhtinskii sbornik* [Bakhtin collection], vol. 5. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 109–119. (In Russ.)

Pul, B. "Rol' M.I. Kagana v stanovlenii filosofii M.M. Bakhtina (ot Germana Kogena k Maksu Sheleru)" [The Role of M.I. Kagan in the Development of Philosophy of M. Bakhtin (from Herman Cohen to Max Scheler)], *Bakhtinskii sbornik* [Bakhtin Collection], vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1994, pp.162–181. (In Russ.)